

для современной буржуазной историографии, — отрицание закономерностей исторического развития. „Судьба империй зависит от невесомых случайностей“, — пишет П. Губер (стр. 97). В этих словах антинаучные принципы порочных построений историка-иезуита, стремящегося исказить исторический процесс, сформулированы с откровенным цинизмом.

Не имея возможности подвергнуть подробному рассмотрению остальное содержание четырех томов журнала, считаем необходимым в заключение отметить некоторые характерные особенности не затронутых нами в настоящем обзоре материалов, помещенных в этих томах. Это прежде всего подчеркнутый интерес к религиозно-церковной тематике; современные буржуазные ученые, игнорируя историю народных масс, проявляют, напротив, пристальное внимание к жизни и деятельности самых второстепенных представителей византийской церкви, занимаясь составлением списков и классификацией христианских „мучеников“ и „святых“ (С. Салавиль) и т. д.

Нам уже приходилось указывать на мелочность и незначительность тематики подавляющего большинства статей, помещенных в „Byzantion“. Прогрессирующая деградация современного буржуазного византиноведения особенно резко проявилась в последних — XIX и в XX — томах журнала, материалы которых поражают своей калейдоскопичностью и незначительностью поставленных в них вопросов. В этих томах можно найти и „научные“ размышления об историческом значении перенесения останков св. Лазаря с острова Кипра в Византию и о культе св. Григория в Боснии и скрупулезный анализ таких „существенных“ вопросов, как история покупки ворот константинопольской св. Софии и т. д., — вплоть до отдающих глубоким маразмом изысканий об александрийской коллегии вылавливателей прокаженных. Зато здесь совершенно отсутствуют исследования по сколько-нибудь действительно важным вопросам византийской истории. Последние томы „Byzantion“ — а — свидетельство полного оскудения научной мысли буржуазных историков. Единственный интерес для специалиста в рецензируемых томах „Byzantion“ — а могут представлять некоторые публикации эпиграфических и других источников.

В целом содержание этих томов журнала подтверждает факт крайнего вырождения буржуазного византиноведения, открыто ставшего на службу реакционной буржуазии.

II. РЕЦЕНЗИИ

А. Л. ЯКОБСОН. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОНЕС (XII—XIV вв.)

Материалы и исследования по археологии СССР. № 17
Изд-во Академии Наук СССР. Москва—Ленинград, 1950. 256 стр., 160 рис.,
40 + 22 табл. Цена 33 р. 50 к.

Давно уже ощущается необходимость в систематическом, подводящем итоги многолетних работ, обозрении богатых археологических материалов средневекового Херсонеса (или Херсона, как его называли средневековые источники), равно как и в монографии по истории этого города, причем построенной главным образом на этих именно материалах. Эту задачу — в отношении наименее исследованного позднесредневекового Херсонеса — взял на себя сотрудник Института истории

материальной культуры Академии Наук СССР А. Л. Якобсон, который выпустил в серии „Материалы и исследования по археологии СССР“ (вып. 17) книгу о Херсонесе XII—XIV вв.

Это — труд специалиста-археолога, уже немало лет производящего раскопки на херсонесском городище и упорно занимающегося разработкой полученных там материалов. В результате длительных, шаг за шагом расширявшихся, непосредственных наблюдений автор счел возможным суммировать археологические данные и сделать некоторые выводы относительно малоизученного периода в истории средневекового Крыма, преимущественно же его крупнейшего городского центра, каким был Херсон.

Так создавалась книга А. Л. Якобсона, представляющая собой систематизированный свод некоторых существенных групп археологического материала, извлеченного из позднесредневековых слоев херсонесского городища; однако вряд ли ее можно считать — в силу неполноты археологических источников — работой монографического характера о средневековом городе Причерноморья.

Как сам автор определяет свое произведение? Он не отказался от краткого и свидетельствующего о максимальном охвате темы заглавия — „Средневековый Херсонес“, — однако на первых же страницах введения нашел необходимым сделать оговорку, что он вынужден самим материалом (его характером и количеством) написать „серию очерков“ (стр. 7), которые посвятил далеко не всем, а „лишь некоторым важнейшим сторонам материальной культуры средневекового Херсонеса“.

Автор оказался обладателем обильного, хотя и одностороннего, археологического материала и вместе с этим располагал довольно отрывочным и скудным материалом письменных (тем более, эпиграфических) источников. Последний вид источников (т. е. источники письменные), в силу того, что они касаются города, не оставившего своих хроник, не в состоянии помочь разворачиванию последовательного изложения — и объяснения — событий не только менее заметной внутренней, но и внешней жизни Херсона. В воссоздании его истории невозможно обойтись без помощи красноречивого массового материала археологических памятников. Но, несмотря на достаточную сохранность городища, и они дефектны: автор, стремившийся показать наиболее полную картину жизни изучаемого им города, был принужден рисовать ее по данным лишь очень немногочисленных, вернее — единичных, хотя и важнейших, групп памятников. Его несколько более детальному анализу подверглась только архитектура жилищ некоторого числа вскрытых городских кварталов и керамика.

В связи с таким состоянием источников автор поставил своей задачей: 1) дать „картину внешнеполитической истории Херсона“, пользуясь известиями многочисленных, но по составу своему довольно бедных письменных источников (русских, греческих, латинских, восточных), опираясь при этом на данные довольно обширной русской и иностранной литературы, затрагивающей историю Крыма; 2) изучить подробно внутреннюю жизнь города, основываясь на археологическом материале, который в той или иной степени освещает быт населения и его занятия (особенно — гончарное ремесло), социальную топографию города и развившуюся в нем художественную культуру.

Разработка этих тем должна была привести автора к характеристике Херсона „как культурного центра Тавриды“.

Книга содержит четыре большие главы: I. „Очерк истории Херсона в XI—XIV вв.“, II. „Жилые кварталы“, III. „Ремесло“, IV. „Художественная культура“.

ственная культура“; о задачах работы и ее итогах говорится в кратком введении и в заключении.

Следует отметить, что большинство иллюстраций: чертежи и зарисовки, а также фотографии (в их числе — несколько цветных) выполнены самим автором. Вообще книга чрезвычайно обильно иллюстрирована; на 32 печатных листа текста приходится 160 рисунков, причем некоторые из них (13) даны на отдельных листах. Вне общей нумерации рисунков в текст включены еще: а) план Херсонеса и б) 22 таблицы с изображением сотен меток на черепицах. К книге приложены 40 таблиц, содержащих 167 отдельных изображений.

Как видно из перечня глав, вторая, третья и четвертая главы посвящены археологическим памятникам, т. е. основному объекту изучения А. Л. Якобсона.

Во второй главе автор — впервые в литературе по Херсонесу — сделал попытку показать основу города, как населенного пункта, а именно — массовое жилище. Он установил тип жилых домов и связанных с ними сооружений, вернее — пристроек хозяйственного назначения, окружавших двор. В распоряжении автора был, несомненно, археологический материал массового порядка, однако только из небольшого (по сравнению со всей площадью городища) числа городских кварталов; с одной стороны, А. Л. Якобсон исследовал кварталы северо-восточной части города, вскрытые Р. Х. Лёпером в 1908—1913 гг., с другой — он пользовался материалами позднейших раскопок северной, прибрежной части Херсонеса, производившихся Г. Д. Беловым в 1931—1940 гг. В первом случае автору приходилось восстанавливать ход работ и последовательность раскрытия памятников по весьма неполным и несовершенным дневникам Лёпера; во втором случае и документация раскопок осуществлялась на более высоком научном уровне, и сам автор, как постоянный участник работ, имел возможность разобран материал полнее.

Убедителен вывод автора относительно разницы во внешнем виде и социальном содержании жилищ того и другого районов. В северо-восточных кварталах города, вытянутых вдоль его главной улицы, недалеко от самых крупных и парадных зданий — огромных базилик „Уваровской“ и „Восточной“, селилась сравнительно зажиточная часть его обитателей, в кварталах же по северному побережью города, выросших, как то показали раскопки, на заброшенных с IX в. пустырях и потому в XII—XIV вв. занимавших окраину города, жизнь была беднее и скромнее. В северо-восточных кварталах не редкость встретить ту или иную архитектурную деталь — резной камень, карниз, обрамление входа, — которая свидетельствует о богатстве внешнего убранства домов (обычно двухэтажных). Жители этих кварталов занимали довольно обширные усадьбы, имели общественную баню, некоторые из семей воздвигли даже собственные фамильные часовни-усыпальницы; в целях изготовления строительного материала для каких-то крупных сооружений они построили две большие обжигательные печи, а обычным в приморском городе промыслом — рыболовством — занимались сравнительно мало. Окраинное население северных береговых кварталов составляли, насколько можно судить по археологическому материалу, рыболовы, добывавшие рыбу на продажу и поддерживавшие свое существование также сельскохозяйственными работами на участках пригородных полей, а также мелкие ремесленники; об этом можно судить по тому, что в прибрежных кварталах обнаружены остатки небольшой

кузнечной мастерской и гончарная мастерская с двумя черепицеобжигательными печами (они действовали в XI—XII вв.).

Изучив археологический материал обоих вышеуказанных районов Херсонеса, автор не удовлетворялся сопоставлением их друг с другом; исходя из своих наблюдений (сравнивались жилищность населения северо-восточного квартала, занимавшегося, по крайней мере частично, торговлей, и наличие занятия рыболовством и сельским хозяйством в северной части), он попытался наметить социальную топографию средневекового Херсона (стр. 90). Хотя эта проблема, несомненно, является одной из наиболее нужных и интересных при изучении истории города и заслуживает пристального внимания историка, тем не менее, в данном случае, она не могла еще быть достаточно аргументирована (опять же по причине малого количества материала, — например, для характеристики земледельческой техники служат пока что только три лемеха и один серп, причем два предмета дали раскопки 1933 г., два другие — беспаспортны; ср. стр. 95) и потому осталась пока лишь в качестве поставленного перед будущими исследователями вопроса. В связи с этим сообщением не следовало в заглавии одного из параграфов второй главы (стр. 94) указывать на будто бы содержащийся в нем разбор признаков социальной топографии города. Как видно, пока удалось установить — и то лишь в самых общих чертах — только разницу в социальном облике двух районов города.

В третьей главе автор исследует археологический материал, характеризующий херсонесские ремесла. К сожалению, в Херсонесе полно и богато представлена продукция только одного из них, гончарного ремесла. А. Л. Якобсон предупреждает читателя о том, что „материал этот (т. е. материал, рисующий ремесленное производство. — Е. С.) крайне неравномерно распределяется по отдельным видам ремесла: он в обилии представлен по гончарному делу, зато крайне скуден по различным видам металлообрабатывающего производства, а по целому ряду важных ремесел, например, по деревообделочному или кожевенному (мы прибавили бы еще ткацкому. — Е. С.), материала почти вовсе нет“ (стр. 101). Таким образом, автор вынужден ограничить показ ремесла Херсонеса одной керамикой. Он выделил в этой теме три части. В первой говорится о гончарной продукции самого массового распространения — о простой красноглиняной посуде, фрагменты которой наводят на археологические слои городища, о глиняной таре и крупных вместилищах, как пифосы, амфоры, кувшины, о грубой кухонной посуде и о более тонкой, иногда художественно выполненной, столовой (неполивной и поливной), как то: чашки, тарелки, миски, блюда и т. п. Особо заметная группа парадной посуды, покрытой поливой и украшенной орнаментом и изображениями, отнесена в четвертую главу книги. Во второй части главы о ремесле заключено исследование о производстве кровельной черепицы, причем разработаны вопросы о внешних признаках, по которым следует отличать черепицу позднесредневекового периода от черепицы более раннего времени, и о разнообразнейших метках — их подобрано всего 324 образца — то в виде буквенных начертаний, то в виде условных обозначений (птицы, кони, всадники, изредка человеческая фигура и др.), которые вырезывались на матрицах и служили, по всей вероятности, знаком отдельного массового выпуска черепицы, изготовленной либо по заказу, либо же на продажу. Равным образом, особым небольшим исследованием является и третья часть главы о ремесле, содержащая очерк о гончарных печах, как о крупных, черепицеобжигательных, так и

о малых, для мелкой посуды, помещавшихся на дворах внутригородских усадеб.

Хотя автору и пришлось рассмотреть ремесло в Херсоне на узком материале только гончарного производства, несомненно сильно развитого в последние века существования города, тем не менее, на основе своих наблюдений, он делает немаловажный вывод: он полагает, что интенсивное развитие ремесла связано с последним в жизни города расцветом в XIII в. Херсон уступил тогда первенство в торговле Сугдее-Судаку, но генуэзская колония в Каффе еще не выросла и не могла пока подавлять старый ремесленный центр, каким был Херсон. Массовое производство керамики херсонскими ремесленниками обслуживало формировавшиеся в юго-западном Крыму феодальные княжества и их города (главнейшим потребителем был, вероятно, город, остатки которого сохранились в нынешнем Эски-Кермене). В первый период возвышения Каффы и возникшего рядом с ней Солхата Херсон снабжал и эти города продукцией гончарного ремесла. Таким образом, в XIII—XIV вв. развитое ремесло определяло экономику Херсона, в то время как в предыдущие века город обогащался главным образом за счет транзитной торговли, которая в юго-западном Крыму сократилась в XII в. и замерла в XIII—XIV вв.

В четвертой главе, в которую, быть может, вложен наибольший труд автора, показана художественная культура позднесредневекового Херсона, причем опять же почти исключительно на памятниках керамического производства. Эта глава служит продолжением и развитием предыдущей; она в основном посвящена поливной посуде с орнаментом и изображениями. „Поливная посуда — это тот вид прикладного искусства, который глубже всего проник в быт позднесредневекового Херсона, стал наиболее массовым видом искусства и потому полнее всего представлен в археологическом материале. Вот почему поливная посуда приобретает для нас преимущественное значение, как источник познания всей художественной культуры Херсона той поры“ (стр. 167). Этими словами автор пытается оправдать известную односторонность своего исследования, в котором ему пришлось строить выводы о художественной культуре только на данных керамики. Впрочем, как говорилось выше, такой уклон вызван главным образом ограниченностью археологического материала, несомненно недостаточного для всестороннего освещения художественной культуры целого города. Правда, в конце четвертой главы автор добавил небольшой отдел о монументальной архитектуре; он нашел нужным говорить об архитектурных сооружениях после гораздо более углубленного анализа глиняной посуды именно потому, что для периода XIII—XIV вв. в его распоряжении не было достаточно материала монументальных построек и по этой причине исследование их явилось лишь незначительным дополнением к изучению керамики.

А. Л. Лякобсон подверг внимательному изучению многочисленный материал херсонской поливной посуды. Масса неразобранных черепков (изредка среди них попадаются целые или почти целые предметы) теперь классифицирована и определена им в отношении хронологии, стиля, техники, существующих аналогий. Установив наличие двух типов художественной поливной керамики [а) красноглиняная полихромная, покрытая изнутри и частично снаружи ангобом, орнаментированная врезной линией и облитая свинцовой прозрачной поливой; б) белоглиняная с подглазурной росписью, выполненной кистью], автор в пределах этих типов упорядочил материал, разделив его на несколько групп.

На основании проделанного исследования автор приходит к выводу о наличии культурных связей позднего Херсона с юго-восточным Причерноморьем — с Трапезундом, с Грузией и Арменией, с малоазийским побережьем. Эти связи тянулись еще дальше, в Персию, в Месопотамию и в Сирию (также и на Кипр). Сколько-нибудь интенсивных связей с Египтом, с Грецией, даже с Константинополем для этого времени автор не отмечает. Однако керамика вышеназванных территорий, „вся эта разнообразная кавказская, сиро-месопотамская, малоазийская и византийская керамика позднего средневековья“ (стр. 171), настолько еще слабо изучена, что трудно поддается распределению по местным художественным школам. Тем не менее, в результате произведенных сличений, автор установил, что херсонские мастера были далеки от того, чтобы рабски следовать за художественными приемами и мотивами, привнесенными к ним с Закавказья или из Малой Азии. Херсонские керамические изделия в части художественной поливной посуды приобрели „специфический местный характер, ясно выступающий даже при беглом сравнении с керамикой Закавказья, а тем более, с керамикой других областей Ближнего Востока“ (стр. 187). Массовый материал, исследованный А. Л. Якобсоном, свидетельствует о локальном характере херсонской поливной керамики, хотя она и обладает, в большей или меньшей степени, чертами сходства с подобной же керамикой Закавказья, Персии, Малой Азии, а частично и с сиро-месопотамской керамикой.

Однако читатель вправе ожидать, что после установления несомненного факта культурных связей Херсона с Закавказьем и Малой Азией автор подвергнет изучению связи этого города с территориями, расположенными к северу, к северо-западу и северо-востоку от Херсона. Каковы же были культурные связи (а для XIII—XIV вв. — их последствия) города с Киевской Русью, с Поднепровьем, с Подоньем и Тмутараканью? Ведь известно, что не только Херсон, но и другие городские центры таврического побережья играли роль транзитных пунктов — и в дипломатических, и в торговых отношениях. Находясь на скрещении путей, они позволяли устанавливать культурные связи отнюдь не в одном только направлении. Книга, которая, при всей неполноте содержания, имеет своей задачей подробное рассмотрение одного из археологических источников истории Херсона, а именно — его керамики, должна была дать ответ на вопрос о взаимоотношениях между культурой, развивавшейся в Херсоне, и оригинальной культурой Киевского Поднепровья. Известно, что связи между Киевом и Таврикой, даже при наличии кочевников в степях, не замирали окончательно.

Автор совершил ошибку, не продолжив и не углубив своего исследования в этом направлении и не добившись — при использовании пусть еще небольшого материала — того или иного ответа на важнейший сам по себе вопрос.

Итак, подводя итоги разбору второй—четвертой глав книги, приходится сделать следующие замечания.

Автор выбрал для своего труда заглавие, не отвечающее содержанию основной („археологической“) части его книги. По самому характеру и количеству археологических источников, на которых построено исследование, оно не является монографией, но представляет собой ряд очерков, а они не могут воссоздать картину жизни города в целом (нарисовать ее без значительных пробелов пока еще невозможно).

Археологический материал, которым располагал автор, оказывается ограниченным: это только керамика и городские жилища, причем, если

гончарное ремесло представлено полно (со стороны как рядовой, так и художественной продукции), то вторая анализируемая здесь группа памятников — жилища горожан — могла быть взята лишь из двух сравнительно небольших частей города и, будучи в общем типичной, все же не является исчерпывающей.

Автору не удалось освещение выдвинутых им крупных исторических тем: о ремеслах в Херсоне (анализировано только керамическое производство) и о социальной топографии города (установлена только разница в социальном облике обитателей двух частей города).

Важная тема о культурных связях Херсона получила ответ в смысле утверждения известной близости между этим городом и юго-восточным Причерноморьем. К сожалению, автор оставил не только без ответа, но даже без постановки чрезвычайно интересный и сам собой напрашивающийся вопрос о культурных связях Херсона с Русью. Одностороннее рассмотрение этой темы создало существенный пробел в книге.

При доминирующем положении керамики в исследовании А. Л. Якобсона (третья и четвертая главы) слишком поверхностна и несоразмерно скромна добавка к четвертой главе (в основном посвященной поливной посуде), относящаяся к монументальной архитектуре.

* * *

Прежде чем перейти к критике исторического обзора, помещенного в первой главе, следует сделать одно общее для всей книги замечание. На протяжении всей книги автор употребляет слово „Таврида“ как название средневекового Крыма домонгольского времени. Рассказывая о событиях конца XIII в., автор отмечает, что в ту пору „Таврида“ уже стала называться „Крымом“ (стр. 31, прим. 4); он указывает этими словами на тождественность обоих терминов. Но едва ли можно принять это наименование за подлинное историческое название и найти его в каком-либо средневековом источнике.

Как же, действительно, назывался Крым ранее того, как стал называться в позднее время „Газарией“ и параллельно этому — „Крымом“ (распространенное на весь полуостров название татарского города Солхата, или Эски-Крыма, нын. Старого Крыма)?

Античность не знает для Крыма названия Тавриды. Он назывался „Таврской землей“ или „Таврией“. Однако „Таврианией“ называлась часть Сицилии, поселением „Тавринов“, жителей сев. Италии, — нын. город Турин и, наконец, „Тавридой“ — остров у иллирийского побережья, к северу от о-ва Корфу. Иной Тавриды, кроме этого острова, в древности не было. Геродот же называл Крымский полуостров „Таврикой“. Вот это-то название („Таврическая земля“, „Таврика“) и удержалось в позднейшей истории, в средневековых источниках, которые рассказывают о Крыме.

Прокопий (VI в.) отметил, что часть страны Скифов и Тавров „и ныне называется Таврикой“¹ Генесий (X в.) писал, что император Михаил III вызвал к себе на помощь отряд „Скифов“ из „Таврики“.² В Ипатьевской летописи под 988 г. говорится, что Владимир „поиде на Греческую землю и пришед ко Корсуню... Прием же Володимер град греческий Корсунь (ныне же тамо Крым) и весь той остров, глаголемый Таврику“.³

¹ Procopius Caesariensis. De bello Gothico, IV, 5. § 23, ed. J. Haury, v. II, 1905, p. 507; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 388.

² Genesius, ex rec. C. Lachmanni, Bonn, 1834, p. 89.

³ Прибавление к ПСРА, т. II, стр. 255.

Таким образом, если называть Крым каким-то древнейшим названием, то надо говорить „Таврика“. Правда, А. Л. Якобсон не первый ввел в научный труд слово „Таврида“, которое употреблялось в русских дворянских кругах конца XVIII в. для определения только что завоеванного тогда Крыма и которое было создано, конечно, искусственно. Этим определением — хотя и неудачно — пользовались и В. Г. Василевский, и Ю. А. Кулаковский, и С. П. Шестаков, и др. Оно даже включено в указатель к последнему изданию „Повести временных лет“¹, несмотря на то, что такого географического названия в тексте летописи нет.

Обзор истории Херсона в XII—XIV вв., заключающийся в первой главе и написанный с целью создания фона и перспективы для второй—четвертой глав, значительно слабее этих последних. Автор не проявил должного искусства в обращении с материалом письменных источников и далеко не всегда сумел соблюсти строго обязательные для историка правила тщательного и осторожного изучения текстов.

При чтении первой главы бросается в глаза, что автор упоминает чрезвычайно много самых разнообразных письменных источников. Однако мы не всегда можем быть уверены, что автор использовал их из первых рук. К тому же подчас автор дает излишние, ненужные ссылки. Нужно ли было, например, для характеристики татарских набегов на населенные пункты Крыма, сослаться на Марино Санудо, автора XIV в., писавшего в Венеции (стр. 33)? Не достаточно ли было бы ограничиться сведениями, идущими непосредственно от обитателя одного из крымских городов и, быть может, современника событий (имею в виду цитированный автором сугдейский синаксарь с греческими приписками)? Ссылку на Марино Санудо А. Л. Якобсон заимствует у В. Г. Васильевского;² последний, в свою очередь, заимствует указание на этого писателя у В. Томашка;³ получается слишком сложный путь, через который ссылка на источник приходит к А. Л. Якобсону.

Не полностью, как следовало бы, использовал автор такой прекрасный эпиграфический памятник, каким является уникальная надпись 1059 г. с именем стратига Льва Алиата. Автор начал с того, что неправильно определил содержание надписи, не вчитываясь в ее текст: в нем нет речи о возобновлении крепостных сооружений города (стр. 17 и 18), и потому нет никаких оснований считать, что „важнейший участок обороны Херсона“ — имеется в виду место находки надписи близ оборонительной стены у Карантинной бухты — „с конца X в. не возобновлялся“, будучи разрушенным „при осаде и взятии Владимиром Корсуня в 989 г., ибо осада города, как убедительно показал А. Л. Бертье-Делагард, велась именно с этой стороны“. Как исследователя города, А. Л. Якобсона должно было интересовать, что за „сооружения“ перечислены в надписи, — она же называет, собственно, только ворота, причем одни из них относятся к преторию, т. е. к зданию, где проживал стратиг и помещался гарнизон, а остальные — к городу вообще, т. е. к любой части его стены. Примечательно, что в надписи ничего не сказано о стенах или башнях; таким образом, при внимательном чтении текста, нельзя заключить о возобновлении вообще „крепостных сооружений города“. Обращает на себя внимание и то, что ворота претория названы „железными“; можно предположить, что они были особенно крепкими, окованными железом, но напрашивается

¹ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. II, стр. 528.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. III. П. 1915, стр. CLXXVI, прим. 2.

³ W. Tomaschek. Ethnologische Forschungen über Osteuropa und Nordasien. I. Die Goten in Taurien, Wien, 1881, S. 42.

и другое предположение — что они были „цепными“, т. е. подъемными (следы таких ворот видны в крепостях Судака и Аккермана, правда, позднейших, но устройство крепостей было консервативно вплоть до появления огнестрельного оружия), потому что, хотя ὁ σιδῆρος значит „железо“ и отсюда „железный“ — σιδῆρεος, но τὰ σιδῆρα на средневековом греческом языке означало „цепи“. Не хотели ли словом σιδῆρα указать на то, что ворота были подъемные на цепях? Эти „цепные“ ворота были, судя по надписи, сооружены заново, тогда как остальные были только возобновлены.

Не следует цитировать текст „Повести временных лет“ по Ипатьевской летописи (т. е. по третьей редакции „Повести“), если он имеется в Лаврентьевской летописи (т. е. во второй редакции „Повести“). Тем не менее, автор поступает именно таким образом там, где передает рассказ о последнем поражении печенегов от Ярослава (стр. 17); это приводит к хронологической ошибке, как как автор на основании Ипатьевской летописи, не указывающей года этого события, относит его к 1034 г., поскольку эта дата — последняя дата в летописи, приведенная перед рассказом о поражении печенегов.¹ Однако более близкая к оригиналу редакция „Повести“ по Лаврентьевскому списку датирует это событие 1036 г.² То же самое относится: а) к рассказу о первом (в 1055 г.) появлении половцев (стр. 17) и б) к рассказу о первом нападении (2 февраля 1061 г.) половцев на русскую землю (стр. 17); оба эти рассказа нет никаких оснований передавать по Ипатьевской летописи. Равным образом, лучше (стр. 23) опираться на текст Лаврентьевской летописи в отношении событий 1084 г.; причем следует указать, что летопись имела в виду князя Давида Игоревича, умершего в 1112 г., сына Игоря Ярославича, а не Давида „Ростиславича“, потому что князя с таким именем вовсе нет в „Повести временных лет“.

Особенно неприятно и, признаться, неожиданно выглядит неточная транскрипция (стр. 20) текста Лаврентьевской летописи, относящегося к 1066 г.³ На 15 строк летописного текста приходится 9 неточностей: нельзя в подлинный текст летописи, в древнерусский язык, вставлять обозначение года по нашей эре, когда в тексте дан год по эре „от сотворения мира“; нельзя вводить произвольную пунктуацию и... отделять запятой подлежащее от сказуемого („оному же, пришедшу...“); следует правильно раскрывать титла, т. е. надстрочные знаки, указывающие на сокращение (надо „рече“, а не „реч“; надо „день“, а не „днь“) и т. п.

Нельзя согласиться с толкованием, которое дает автор по поводу известного греческого текста из похвального слова св. Евгению, взятого в передаче Ф. И. Успенского (стр. 28). Названный источник свидетельствует об обычном явлении в Византийской — в данном случае в Трапезундской — империи, а именно, о доставке в центр государственной подати, собранной с населения периферии. Для этой цели из столицы ежегодно направлялись специальные сборщики, выполнявшие свои функции при поддержке местной администрации и затем отвозившие собранные денежные суммы и натуральные взносы в столицу. Текст гласит, что „государственные подати с Херсона и с там же расположенных климатов Готии“ были погружены на корабль и переправлялись в Трапезунд в сопровождении „государственного архонта“ и некоторых „архонтов Херсона“. Под последними надо разуместь пред-

¹ ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 138—139.

² ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стр. 150—151 („Ярославу же сущю Новегороде...“).

³ ПСРЛ, т. I, 1926, стр. 166.

ставителей администрации города, которые отправлялись в ежегодную служебную поездку в Трапезунд. Текст ценен именно тем, что с полной ясностью устанавливает зависимость Херсона в XIII в. от Трапезундской империи. Хотя А. Л. Якобсон и предупреждает, что указанный текст и текст Ибн-ал-Асира, описавшего бегство населения и купцов после захвата Судака татарами в 1223 г. и бегство русских купцов в М. Азию после битвы при Калке, имеют в виду разные события, тем не менее, он почему-то отходит от прямого и простого понимания текста легенды о св. Евгении и обнаруживает в нем сначала „мирное путешествие херсонской знати и купечества в Трапезунд“ (стр. 28), а несколько ниже — „бегство херсонской знати и купечества из Херсона“ (стр. 29). Кроме того, оторвавшись от текста арабского писателя, автор без всяких оснований прибавляет то, о чем в арабском тексте нет ни слова, а именно — что судакские купцы бежали „частью на Русь“ (стр. 29). Как могло бы это быть, если татары, после победы на Калке, рассеялись в степи, гнали и грабили убежавших, которым не было известно, куда направятся их преследователи (после Калки татары пошли на Булгар, где потерпели поражение), а кроме того, вступившие в Крым татарские отряды также отрезали путь на север. Следовательно, незачем было „подкреплять“ сообщение Ибн-ал-Асира превратно истолкованным текстом легенды о св. Евгении, вычитав в рассказе о доставке государственной подати из Херсона в Трапезунд мнимое бегство херсонской знати и купечества; незачем было и направлять спасавшихся от татар судакских купцов „на Русь“, когда источник об этом ничего не говорит.

Весьма небрежно процитирован текст из „Истории ромеев“ Никифора Григоры; он приведен с пропуском, хотя опущенные слова о выходе венецианских триер из Босфора (τὸν τοῦ Εὐξείνου πόντου διὰ ῥώσαντες αἰχμένα)¹ были бы весьма интересны для понимания данного места хроники; кроме того, в нем говорится о „порте Византия“, т. е. Константинополя, а вовсе не о каких-то неопределенных „гаванях Византии“ (стр. 38).

Если бы автор поинтересовался нужной ему статьей договора от 6 мая 1352 г. между Иоанном Кантакузином и Генуей, то увидел бы, что запрещение плавать в Тану касалось только византийских судов, но вовсе не касалось венецианских (стр. 39).

Чрезвычайно важный для истории Крыма договор 1381 г. содержит, как известно, специальный пункт о подчинении генуэзцам 18 селений вокруг Солдайи, на которых была возложена уплата подати; эта обязанность выражена словом „rendenti“, вовсе не обозначающим „присоединенные“ (стр. 39). Кроме того, те же „18 приморских деревень“, по А. Л. Якобсону (стр. 19, прим. 2), составляли будто бы „морское побережье Готии“, что неверно; эта „*riperia marina Gotie*“ являлась полосой побережья между Судаксом и Балаклавой, 18 же селений вокруг Судака не имели к ней прямого отношения.

Дошедший до нас неполностью договор 1204 г. о разделе владений Византийской империи не являлся договором „между Балдуином и Дандоло“ (стр. 28, прим. 1), а официальным соглашением между вождями крестоносцев и Венецией, фиксировавшим раздел владений после завоевания 1204 г.

В небольшом отрывке из записок Вильгельма Рубрука (стр. 26) допущены три неточности, объяснимые тем, что автор пользовался переводом А. Ю. Малеина, который, будучи классиком, перевел

¹ Nicephorus Gregoras. Byzantina historia, cura L. Schopeni, v. II, Bonn., 1830, p. 880.

произведение XIII в., исходя из норм классической латыни; такие переводы не годятся для специального исследования.

Недостаточно точно определение той роли, которую играл Херсон среди городов Византийской империи. Автору представляется, что Херсон был „проводником византийской политики в Причерноморье“ (стр. 21), что он выполнял специальные функции дипломатического посредника между Византией и кочевниками, был своеобразным дипломатическим форпостом Константинополя на севере (ср. стр. 12—13). Это верно, но только отчасти, так как дипломатическая роль херсонцев являлась лишь следствием пограничного положения города, который в течение ряда веков был средоточием интенсивной торговли Константинополя и малоазийского черноморского побережья с обитателями южнорусских степей, с самой Русью, с приволжским северо-востоком. Пограничный Херсон был прежде всего значительным торговым центром империи, связывавшим ее с важнейшими в торговом отношении областями, и в силу своего географического положения служил пунктом, откуда было возможно зорко наблюдать за политической ситуацией в Северном Причерноморье и на прилежащих к нему территориях. Иллюстрацией к сказанному и является приводимое А. Л. Якобсоном свидетельство летописи о том, что корсунцы известили византийского императора о походе Игоря с флотом на Византию в 944 г. Но, если заглянуть в летописный текст под 941 г. или продолжить его чтение, то обнаружится, что о том же извещали Византию и болгары, обращая внимание и на то важное обстоятельство, что русские „наiali суть к себе печенеги“ (944 г.). Кроме того, невозможно упускать из вида факт тесного переплетения в средние века торговой и дипломатической деятельности. Купцы, как западные, так и восточные, как христианские, так и мусульманские, весьма часто выполняли поручения политического характера либо параллельно с торговыми делами, либо даже специально, как опытные путешественники и знатоки чужих краев. Игорь направлял в Царьград „слы и гостье“, и летописец, показывая состав посольства, перечисляет „слов“ и „купцов“.

События 1066 г., описанные в ближайшем к ним источнике, Лаврентьевской летописи, в ее ценнейшем древнем ядре — записях Никона, естественно очень интересуют автора (стр. 20—23) потому, что, с одной стороны, они тесно связаны с объектом его изучения, Херсоном, а с другой — отражают отношения между Херсоном и Русью. Однако в аргументации своих соображений автор не достиг ни ясности, ни точности. При разборе отрывка „Повести временных лет“, помеченного 1066 г., А. Л. Якобсон правильно отделил друг от друга два последовательно обрисованных летописцем события: 1) отравление тмутараканского князя Ростислава Владимировича херсонским катапаном и 2) восстание корсунцев, побивших этого катапана камнями. Первое событие автор склонен понимать в духе предположений М. Д. Приселкова о „триумvirате“ (в 1059—1068 гг.) старших Ярославичей, державших союз с Византией против половцев; в связи с этим автор полагает, что катапан был подослан в Тмутаракань по указанию византийского императора — союзника русских князей Изяслава, Святослава и Всеволода, чтобы, устранив Ростислава, как захватчика, облегчить возвращение Глеба, сына Святослава, в причерноморское княжество. Придерживаясь такого мнения, автор отвергает соображения как В. В. Мавродина,¹ так и

¹ В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. „Ученые записки Ленингр. Гос. Пед. ин-та им. Герцена“, т. XI, 1938.

А. Н. Насонова,¹ причем без достаточных к тому оснований, потому что они принимают во внимание, а А. Л. Якобсон отбрасывает слова летописца о тревоге греков (неясно, кого имеет в виду источник — вообще ли византийцев или только корсунян) по поводу расширения влияния тмутараканского князя на соседние с его княжеством области, т. е. усиления Руси в Приазовье и Причерноморье. В. В. Мавродин думает, что беспокойство византийцев было вызвано их торговыми интересами (что вполне возможно); А. Н. Насонов полагает, что оно было порождено общим политическим положением (что тоже не исключено). У обоих названных исследователей текст летописи — „сего же убо явшеся грецы“ — оказывается учтенным и отражающим реакцию Византии на нежелательное для нее расширение сферы влияния тмутараканского князя. А. Л. Якобсон возражает (стр. 21), аргументируя тем, что, насколько известно, в дальнейшем подобных шагов византийская дипломатия не предпринимала, и что русское тмутараканское княжество продолжало существовать почти до конца XI в. Однако в свете общего положения в самой Византии такое утверждение оказывается несостоятельным. До Тмутаракани ли (внимание к которой возобновилось затем в XII в.) ей было в последующие годы, на которые приходится и политический переворот (приход к власти Романа Диогена и его окружения), и нарастание опасности от турок-сельджуков (битва при Манцикерте), и потеря последних владений в Италии (взятие Бари), и экспансия Роберта Гвискарда на Восток? К сожалению, автор весьма редко принимает в расчет широкую историческую картину рассматриваемого им времени.

Что касается второго события, отмеченного „Повестью“ под тем же 1066 г., то едва ли прав А. Л. Якобсон, когда он пишет (стр. 21): „Если верить летописи, это (т. е. побитие катапана камнями в Херсоне) произошло тотчас после возвращения катапана в Корсунь“, и (стр. 22) „летописец произвольно связал два разновременных события и соответственно этому объединил их причинной связью“. Пожалуй, как раз наоборот: если верить летописи, то никакой причинной связи в словах летописца ни усмотреть, ни почувствовать нельзя. Современник и, быть может, очевидец события (отравления Ростислава) Никон для полноты представления о катапане, о котором он только что рассказал, добавляет к слову, что он же известен еще следующим, а именно тем, что корсунцы побили его камнями. Так понимает это место летописи и Б. А. Романов.²

Восстание в Херсоне, во время которого толпа побил камнями представителя византийской власти, стратига (или катапана), правильно определяется А. Л. Якобсоном, как „яркий эпизод классовой борьбы“, но сущность этой борьбы им не раскрывается, так как он не имеет данных, чтобы назвать борющиеся классы и определить их требования. То, что он пишет на стр. 21 о „пошлинах и налогах, усердно выколачиваемых с горожан херсонским коммеркиарием“, (об ошибке, связанной с пониманием термина „коммеркиарий“, см. ниже) и о том, что „торговые льготы“ являлись (?) „ослаблением налогового пресса“ — не звучит убедительно. Повидимому, события в Херсоне напоминали то, что часто разыгрывалось в средневековых городах. Корсунские купцы либо требовали новых торговых привилегий, либо не соглашались с уменьшением уже имевшихся у них торговых льгот и потому

А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Вост. Европы. „Исторические записки“, вып. 6, 1940.

² Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. I, стр. 311.

поднялись против херсонской администрации, причем борьба, как это обычно бывало, велась не их руками, а они — крупное и среднее купечество, повидимому, немалочисленное в еще оживленном торговом городе, каким мог быть Херсон во второй половине XI в., — возбудили и подняли городскую бедноту, пользовавшуюся в качестве оружия лишь камнями. При этом следует обратить внимание еще на одно событие. В конце правления Романа Диогена вновь вспыхнули социальные волнения; в Константинополе стали друг против друга сторонники Михаила VII, его матери Евдокии и его воспитателя и советника Пселла и сторонники еще пытавшегося удержать свое влияние разбитого под Мандикертом Романа Диогена. Опорой последнего были некоторые армянские феодалы, среди которых встречается фамилия Алиатов. Быть может, Херсон по своим политическим симпатиям стал на сторону Михаила VII Дуки и отвернулся от Романа Диогена после его поражения в 1071 г. Если допустить это, станет понятно, что корсунцы могли побить камнями неугодного им стратига, которым мог быть упоминавшийся в надписи 1059 г. Лев Алиат, возможно, являвшийся приверженцем павшего императора. В связи с общим положением в империи на Херсоне могли тяжело отзываться и экономические мероприятия всеильного при Михаиле VII временщика Никифорицы, которые привели к созданию государственной монополии хлебной торговли и т. д.

Все эти соображения не подкрепляются никакими данными источников, но в известной мере вытекают из общей исторической ситуации тех лет. Эту последнюю А. Л. Якобсон не хочет учитывать, несмотря на то, что ее анализ позволил бы высказать некоторые гипотезы, но довольствуется материалами, привлеченными В. Г. Васильевским в его статье „Два письма византийского императора Михаила VII Дуки“ (опубликованной в 1875 г.). Эти материалы были нужны Васильевскому для определения возможного адресата писем, а А. Л. Якобсон использует их для того, чтобы подтвердить факт восстания в Херсоне, упомянутого Никоном, и для попытки его датировать. К сожалению, эти материалы представляют собой весьма зыбкую почву для выводов, как предупреждал читателей и сам Васильевский, который писал: „Источники, из которых мы почерпнули известия, служащие в объяснение византийских документов, слишком поздны и смутны“.¹ Действительно, если не оба, то во всяком случае один из источников, использованных Васильевским, очень сомнителен и вряд ли может служить солидной опорой. Рассмотрим их. Первый из них — Татищев, автор „Истории Российской“, второй — аббат Одерико, написавший по заказу Екатерины II историю генуэзских колоний. Поскольку Татищев имел в своем распоряжении ныне утраченные источники, его сообщения ценны. Из слов Татищева явствует, что „корсуняне отреклись“ от Михаила VII, который просил Святослава и Всеволода Ярославичей о помощи против них, и что Святослав послал на Корсунь сына своего Глеба и племянника своего Владимира. Это случилось незадолго до смерти Святослава (ум. в 1076 г.), а сразу же после низложения Михаила VII (в 1078 г.) Всеволод отозвал своего сына Владимира из крымского похода. Характер восстания в Херсоне по этим известиям из „Истории“ Татищева установить не удастся. Что же касается известий об этих событиях в сочинениях Одерико, то они, не привнося в общем ничего существенного, к тому же вовсе подозре-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 30.

тельны. Васильевский извлек их не непосредственно, а через ссылку Э. Муральта (служившего в середине XIX в. библиотекарем Публичной библиотеки в Петербурге), который указывает на 13-е письмо в сочинении Одерико „*Lettere linguistiche*“ (1792 г.).¹ Примечателен отзыв Васильевского о своем источнике: „Все это было бы просто и ясно, но беда вот в чем: нам приходилось иметь в руках... сочинение Одерико, однако ничего подобного приведенному рассказу о восстании Корсуни мы не нашли ни в 13 письме, ни во всем сочинении. Мы думали сначала, что Муральт сделал грубую ошибку, просто сочинив свое известие при помощи Татищева. Но теперь, после выхода в свет второй половины Хронографии 1057—1453 гг., мы должны отказаться от такого предположения. Мы видим, что Муральт пользовался неизданными сочинениями и бумагами Одерико; следовательно, по всей вероятности, в самом деле взял у него интересующее нас известие, но по какой-то ошибке или небрежности перемешал цитаты, что с ним, правду сказать, случается“.² А. Л. Якобсон без всякой проверки воспринятых им от Васильевского источников исходит из них в своих рассуждениях о восстании в Корсуне. Между тем, можно проверить точность утверждения Васильевского о существовании каких-то „бумаг“ Одерико. Во II томе „Хронографии“ Муральта, впервые под 1316 г. (стр. 518: „*Oderico, notices mss à Gênes, chez de Muralt p. 4*“) и дальше несколько раз повторено упоминание об этих рукописях Одерико, всегда в отношении XIV и (преимущественно) XV вв. Но при этом важна ссылка на статью самого Муральта (о генуэзских колониях, опубликованную им в 1859 г.), в которой хотя и говорится о некоторых документах из истории генуэзских колоний в Крыму (вероятно, сведения об этих документах и были взяты из архива Одерико), но нет ни слова о восстании в Херсоне. Ученый аббат этими вопросами не занимался, а Муральт этих вопросов не включал в цитируемую им свою статейку 1859 г. Приходится вернуться к предположению Васильевского, так как оно весьма правдоподобно, а именно, что Муральт заимствовал приводимое им известие из „Истории“ Татищева и, следовательно, ничего нового не сказал.

А. Л. Якобсону не стоило приводить для доказательства своих положений столь шаткий „источник“; однако, если уж он был им взят, то хотелось бы видеть его более точно понятым автором. Дело в том, что слова Муральта „*Les habitants de cette ville, rivaux de Kaffa et de Soldaya, ne pouvant obtenir de l'empereur certains privilèges commerciaux, se soulèvent contre son autorité...*“ едва ли соответствуют такому переводу (стр. 21): „обитатели этого города, побережья Кафы и Солдайи, не смоги получить от императора определенные торговые привилегии, восстали против своего начальства (своей власти)“. Нетрудно заметить, что „*rival*“ значит „соперник“ (хотя неясно, при чем тут Кафа, не имевшая в XI в. никакого торгового значения!) и что „*son autorité*“, „его власть“ относится к императору, а не к херсонским начальникам.

Таким образом, как нам представляется, автор должен был бы не пользоваться готовым набором источников даже такого авторитетного ученого, как В. Г. Васильевский, а заново их пересмотреть и затем объяснять интересующие его события, исходя из лучшего и неоспоримого для данного случая источника — из русской летописи.

¹ E. Muralt. *Essai de chronographie*, v. I, St. Pétersbourg, 1871, p. 28.

² В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 29, прим. 1.

написанной в этой своей части таким прекрасным историком, каким был Никон, сам, к тому же современник и свидетель событий 60-х годов XI в. в Крыму.

Никак нельзя оправдать измышлений А. Л. Якобсона по поводу херсонского стратига Георгия Цулы (стр. 16). Это лицо упоминается в источниках дважды: а) на свинцовой печати, найденной в Херсонесе в 1884 г. („Георгию Цуле, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона“);¹ б) в хронике Кедрина, где повествуется о походе византийского флота в 1016 г. против „Хазарии“, о подчинении этой области и о захвате в плен ее архонта Георгия Цулы.² Хотя автор и предупреждает, что все высказанное им — „не более, чем догадки“, но, как хорошо известно, догадки историка, будучи вполне допустимыми, должны быть чем-то обоснованы, а этого как раз и нет в домыслах относительно роли Георгия Цулы. Несмотря на имеющееся у нас точное определение должностного положения Георгия Цулы — он был, как видно по его печати, византийским стратигом Херсона, — автор объявляет его „хазарским правителем“, „хазарином Цулой“ (всего лишь на основании его не-греческого прозвища!). Исходя из подобной характеристики Цулы, автор придумывает ряд фантастических событий: 1) военный переворот в Херсоне, совершенный хазарским гарнизоном, и захват Херсона хазарами вскоре после ухода русского войска Владимира, 2) „политический маневр“ Цулы, стремившегося, якобы, предотвратить окончательное падение хазарской власти в Крыму — обращение его к императору с предложением „своих услуг и верноподданничества“ в качестве византийского топарха херсонских климатов и Херсона, 3) согласие императора, но без особого доверия к Цуле, 4) стремление императора „избавиться от своего хазарского вассала“, конфликт, посыла флота для ликвидации „временного хазарского засилья в Херсоне“. Весь этот рассказ для разъяснения события 1016 г. является каким-то перегруженным выдумками подобием истории, какой-то ничем не оправданной ее реконструкцией.

Текст Кедрина о морском походе 1016 г. сообщает нечто иное. Византийский флот был послан Василием II „в Хазарию“. В источнике XI—XII вв. название Таврики „Хазарией“ вполне естественно (известно, что „Крым“ назывался так и в XIII—XV вв.). В Константинополе могли так называть страну, через которую, как правило, в течение веков (с конца VII по середину X в.) пролегал путь в коренную Хазарию, т. е. на Северный Кавказ, и в подчиненные хазарам области по восточному побережью Дона (Саркел). Корабли, отплывшие в „Хазарию“, должны были — вероятнее всего — направиться к Херсону. В тексте Кедрина нет ни малейшего намека на хазар или на представителя хазарской власти (у А. Л. Якобсона — „хазарский правитель“, а у В. Юргевича, ук. соч., стр. 42, даже „последний крымский хаган“!). Таким образом, флот не был послан сокрушать хазарское владычество в Крыму, а направился к крымским берегам с иной целью, которая определена в самом тексте. Ведь в нем говорится, что начальник флота Монг подчинил „область“ (χώρα, т. е. страна, земля, область, но и „город“) и захватил в плен ее архонта Георгия Цулу. На его имени сходятся свидетельства хроники и печати. Напрашивается вывод, что флот Василия II в 1016 г. был послан в Таврику („Хазарию“) для умирения Херсона. Этот город нередко проявлял оппозицию византийскому пра-

¹ В. Юргевич. Свинцовые печати, принадлежащие Музею. „Записки Одесского общества истории и древностей“, т. XV, 1889.

² Cedrenus, ed. J. Bekker, Bonn, 1839, v. II, p. 464.

вительству и затем бывал усмиряем императорскими войсками. В данном случае можно предположить, что заодно с херсонцами действовал и их стратиг. Что же касается Хазарии и низвержения хазарского владычества, то последнее уже совершилось за полвека до этих событий, когда Святослав в 965 г. не только разбил хазар под Саркелом, но подорвал силы их государства далекими походами на Северный Кавказ („на ясов и касогов“). Преувеличивать значение и силу хазар в Таврике, да еще в начале XI в., после походов Святослава и Владимира, нет никаких исторических оснований.¹

Неправильно приписывать известному в византийских и в ряде средиземноморских торговых городов таможенному чиновнику, называвшемуся всюду на Леванте „коммеркиарием“, функции сбора податей (стр. 19 и 21). Коммеркиарии собирали только пошлину с ввозимых или провозимых товаров. В связи с этим нельзя не указать на недоразумение, происшедшее с именем одного из коммеркиариев, упоминаемым на его свинцовой печати из Херсонеса. Краткая греческая надпись моливдовула называет коммеркиария Дамиана, но А. Л. Якобсон почему-то не дочитал до конца этого имени, расположенного на двух строках,² и оперирует вместо „Дамиана“ непонятым именем „Дамеа“ (стр. 19). Неправильно определять византийский титул патрикия как чин (стр. 19), так как это был почетный титул, не связанный с определенной должностью.

Приводя тексты письменных источников в переводе, надо с оглядкой вставлять слова оригинала, чтобы они соответствовали русским словам, около которых они поставлены. Например, на стр. 38 греческое слово *ἐκεῖθεν*, означающее „оттуда“, отнесено к русским словам „разные места“; или, на стр. 27, в пояснение формулы договора Византии с Генуей в 1169 г. вставлено несколько недостаточно соответственных по смыслу греческих слов.

Следует отметить, что первая глава, содержащая 17 параграфов, излишне мелко расчленена. Многообещающие пространные заголовки параграфов не всегда отвечают содержанию. Например, параграф 9 называется „Херсон в конце XI в. Русско-херсонские отношения“, но о последних сказано предельно мало (стр. 25): „Затормозилась торговля Киева с Византией, надолго заглохли русские торговые связи с Херсоном... Русско-херсонские отношения были прерваны“, — и это все!

К сожалению, книга не свободна от мелких промахов. Например, не следует называть автора похвального слова св. Евгению Лазарем, когда он был Иоанном, тем более, что именно так он и назван в том самом издании текста А. И. Пападопуло-Керамевсом (1897 г.), которое цитировано А. Л. Якобсоном (стр. 28). — Неправильно считать, что частичное занятие сельским хозяйством (на пригородных участках) херсонских ремесленников было их особенностью (стр. 96); наоборот, это явление — обычное для всех средневековых городов, даже столь крупных, как Париж. То же самое можно сказать и относительно знаков каменотесов на обработанном строительном камне. Применение таких знаков было вообще широко распространено в средневековых корпорациях каменщиков.

Относительно стиля автора нельзя упрекнуть: как правило, стиль его ясен, прост, неотяжелев слишком длинными фразами; однако

¹ Следует отметить, что до А. Л. Якобсона эту же ошибку допускали и А. А. Васильев, и В. Г. Васильевский.

² А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. „Вестник древней истории“, 1939, № 1, стр. 124, № 4.

некоторые слова чрезмерно „разговорны“, например: „загород“ (стр. 15), „кладовка“ (в ряде мест), „проулок“ (стр. 89, но на стр. 92 — переулок), „задворок“ (стр. 72). Едва ли каменную ограду называют „забором“ (стр. 89); едва ли усадьбу можно определить как „приземистую“ (стр. 92); едва ли хороши выражения, что „половцы промышляли рабами“ (стр. 24) или что Русь в XIII в. является „этнической группой“ (стр. 35). Рыболовство считается промыслом и его обычно не причисляют к сельскому хозяйству (стр. 97). Неудобно хорошо известный город Трир (Trier) транскрибировать по-русски „Триер“ (стр. 159). Если склонять имя собственное „Инкерман“, то следовало бы склонять и „Эски-Кермен“. Едва ли уместно множественное число в названиях крымских деревень „Партенит“ (стр. 124, 125, 134 и др.) и „Лака“ (стр. 248, 249), хотя в житии Иоанна Готского говорится о „торжище Парфенитов“. На стр. 254 вкралась не выверенная в отношении предлогов фраза: „говоря о позднем средневековье, мы должны иметь в виду уже не Византию..., а о юго-восточном Причерноморье, особенно об области Трапезунта, а через нее с Закавказьем — Грузией и Арменией — влияние которых всегда очень сильно сказывалось в Трапезунте“. Нехорошо злоупотреблять словом „ибо“: „ибо эта керамика, хотя и привозилась в Херсон, но в очень небольшом количестве, ибо находки ее крайне редки“ (стр. 180, 176 и др.). Имеются столь досадные в научной книге ошибки в ссылках: на стр. 13 — следует 1889 г. (год издания „Киевской старины“), а не 1899 г.; на стр. 33 — следует стр. CLXXVI (у Васильевского), а не CLXXX; на стр. 39 — следует стр. 258 (в „Византийском Временнике“, т. II), а не 358; на стр. 28 — следует стр. 174 (у Васильевского), а не 184; на стр. 28 — издание Пападопуло-Керамевса называется не „Сборник материалов...“, а „Сборник источников по истории Трапезунтской империи“; на стр. 38 — перепутана глава и год текста из хроники Никифора Григоры.

В книге А. Л. Якобсона очень много опечаток, хотя в приложенном списке их значится только двенадцать. В 17 названиях перечня сокращенно цитируемых изданий (стр. 256) осталось 11 ошибок. Примечания особенно пестрят опечатками в иностранных названиях книг, причем далеко не всегда можно отнести ошибки за счет типографии. Во французском заглавии работы Сильвестра де Саси допущено 7 ошибок (стр. 39), во французском же заглавии книги Гейда (стр. 9 и 34) — три ошибки, столько же в названии книги Стржиговского (стр. 211 и 213). С ошибками дано греческое название работы Орландоса (стр. 86). Вместо слова „fouilles“ — раскопки, оставлено „feuilles“ — листья (стр. 191); некоторые английские слова не дописаны (стр. 195, 237); в длинном латинском названии издания произведено неправильное его сокращение (стр. 38); многочисленны ошибки в окончаниях иностранных прилагательных мужского и женского рода (стр. 21, 230 и др.), в знаках ударения и т. п.

Каковы же выводы из всего вышесказанного? Книга А. Л. Якобсона свидетельствует о нужной работе автора в области средневековой археологии Причерноморья; ее вторая, третья и четвертая главы обнаруживают опыт автора в исследовании археологических памятников. В этих главах представлен массовый материал раскопок в научно обработанном виде и даны заключения к каждому разделу — о жилище, о простой керамике, о поливной керамике. С некоторыми положениями автора нельзя не согласиться. Это относится к его представлению о расцвете ремесленного (точнее — гончарного) производства в позднем Херсоне и о наличии оживленного рынка в окружающих областях.

Правильна постановка автором вопроса о социальной топографии города. Интересен показ типов массового жилища рядовых херсонцев в XII—XIV вв. Но, тем не менее, основная часть книги, посвященная изучению археологических источников, несмотря на значительный труд автора, не представляет собой той монографии, которая обещана заглавием книги, не отвечающим, как сказано выше, ее содержанию. Наряду с этим выступают и другие серьезные недостатки, перечисленные выше. Особенно надо подчеркнуть грубое упущение автора при исследовании вопроса о культурных связях Херсона, выразившееся в антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья.

Историческая (т. е. построенная на материале письменных источников) часть труда А. Л. Якобсона страдает серьезнейшими недостатками. В работе над этим материалом автор не проявил необходимого умения. Соображения, высказываемые им в той части его книги, где он опирается на эти, более далекие от археологии источники, либо упрощены и обеднены, либо, наоборот, отягчены недопустимыми домыслами. Автор при этом не обладает техникой исследования исторического текста. Поэтому едва ли было правильно предпосылать „археологическим“ главам книги обширную и не проработанную по-настоящему „историческую“ главу и создавать тем самым ложное впечатление как о письменных источниках, так и о самой истории средневековой Таврики.

Е. Ч. Скржинская

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

**Издательство Академии Наук СССР. Ответственный редактор академик
Е. А. Косминский. Редакторы Б. Т. Горянов и Ф. М. Россейкин.
Москва, 1951, стр. 319.**

Выход в свет рецензируемого „Сборника“ имеет важное значение для преподавания в вузах истории Византии. Наша учебная литература располагает довольно значительным количеством источников по истории западноевропейского феодального общества, переведенных на русский язык и либо изданных отдельно, либо собранных в хрестоматиях. Что же касается истории Византии, то по этому весьма крупному разделу средневековой истории до появления настоящего „Сборника“ мы не имели пособия, которое могло бы быть поставлено в один ряд с существующими хрестоматиями по истории западного средневековья. Между тем, советская медиевистика совершенно правильно стремится покончить с однобоким „западническим“ направлением в изучении истории феодального общества; в связи с этим все большее внимание уделяется, в частности, проблемам византийского феодализма. Исследование кардинальных вопросов истории византийского феодализма ставится на принадлежащее им по праву место в разработке общей истории средневековья. Поэтому следует признать, что издание „Сборника документов по социально-экономической истории Византии“ отвечает назревшей, настоятельной потребности советской исторической науки.

Правда, около половины „Сборника“ составляют переводы византийских источников, опубликованные ранее, но это отнюдь не снижает его ценности. Дело в том, что, во-первых, переводы эти, в свое время